

Н. И. НИКОЛАЕВ

Об источниках московского издания Лествицы 1647 г.

Московское издание Лествицы 1647 г.¹ входит в число так называемых четых книг, выпущенных московским Печатным Двором в 1640-е гг. при патриархах Иоасафе и Иосифе. К ним относятся два издания Пролога (1641 и 1642—1643 гг.), Паренесис Ефрема Сирина, изданный трижды отдельно (в 1643 и дважды в 1647 г.), а в 1652 г. выпущенный вместе с Поучениями аввы Дорофея, Маргарит (1641 г.), Сборник из 71 слова (1647 г.). С изданием четых книг соотносится и выпуск в эти же годы полемической и апологетической литературы, по определению историка русской церкви Макария: Сборника о почитании икон (1642 г.), Кирилловой книги (1644 г., составитель — Михаил Рогов, протопоп Черниговского собора в Москве), Книги о вере (1648 г., составитель — Нафанаил, игумен Киевского Михайловского монастыря). Следует отметить, что все эти книги или вообще впервые появились в славянском книгопечатании, или были изданы впервые в таком составе (например, Маргарит с добавлением жития Иоанна Златоуста).

Эти четьи книги относятся к сборникам уставных чтений, обязательных в то время по церковному уставу при богослужении. Использовались они также в чтениях за трапезой в монастырях и для индивидуального чтения. Эти изданные в 1640-е гг. книги охватывают лишь небольшой, хотя и главный, круг уставных чтений. Состав и роль уставных чтений в древнерусской культуре, забытые в синодальной церкви к XIX в., были в начале XX в. исследованы в трудах академика Н. К. Никольского и В. П. Виноградова. Утвердилось же это понятие в науке лишь в самые последние годы в связи с изучением богослужебных четых книг постоянного состава.²

Московское издание Лествицы 1647 г. и является книгой, предназначенной для уставных чтений, о чем свидетельствует напечатанное в начале книги краткое указание на время и порядок чтения Лествицы на часах (в великий пост), а также разметка на полях книги по всему тексту с точными указаниями времени чтения данного раздела.

Расширение репертуара книг московской печати в 1640-е гг. и появление в это время относительно большого числа четых книг позволяет говорить об особой издательской программе, осуществлявшейся в эти годы на московском Печатном Дворе. Следует отметить, что этому явлению, вернее,

¹ Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Печатный Двор, 1. III. 1647. — 1 пустой, 1—32, 1 нн., 1—3, 2 нн., 4—311—347 л. — 2^о (Зернова А. С. Книги кирилловской печати, издаваемые в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. № 199).

² См.: Четьи сборники Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 236—273.

появлению каждого из этих изданий в отдельности, уже неоднократно пытались дать прагматическое или социологическое объяснение, забывая при этом о наличии особых культурно-исторических закономерностей, не всегда прямо сводимых на прагматический и социологический уровни.

Выпуск этих книг был давно назревшей необходимостью (на Украине и в Белоруссии авва Дорофей, Лимонарь, Маргарит уже были изданы). Сама же возможность издания сборников уставных чтений была заложена в деятельности Ивана Федорова, которая и в этом, и в других аспектах обычно рассматривается как модель всего будущего развития славянского, а значит, и московского книгопечатания. В своем анализе издательской программы Ивана Федорова А. Х. Горфункель подчеркнул, что федоровское «Евангелие учительное» входит в число книг, предназначенных для уставных чтений. Кроме того, А. Х. Горфункель показал, что издательская программа Ивана Федорова включала сознательную установку на издание новых видов и типов книг, до того не существовавших в рукописной традиции (Новый Завет с Псалтирью, Библия).³

Таким типом книги, прежде не существовавшей, т. е. не имевшей прямой рукописной традиции, подобно первому и второму изданиями Пролога, рукописная традиция которых неизвестна и о характере которой высказываются лишь самые общие предположения, и является издание Лествицы 1647 г.

То, что издание Лествицы 1647 г. представляет собой новый вид памятника, отсутствовавший в прежней письменной его традиции (этот вывод был сделан на основании сопоставления разных редакций памятника), впервые отметили в 1859 г. в своей непревзойденной энциклопедии славянской письменности А. В. Горский и К. И. Невоструев.⁴ Это единственное описание печатной Лествицы как особого типа памятника (если оставить в стороне описание издания в библиографиях книг кирилловской печати, а также упоминания и сравнения в описаниях рукописных Лествиц). А. В. Горским и К. И. Невоструевым указаны общие отличия и названы индивидуальные признаки текста в издании 1647 г.

Затем в 1880-гг. такой знаток переводных святоотеческих сочинений, как А. С. Архангельский, повторил выводы А. В. Горского и К. И. Невоструева и о разных редакциях рукописных Лествиц и их сведения об отличиях издания 1647 г., правда, с одной неточностью: приведенное А. В. Горским и К. И. Невоструевым имеющееся в Лествице 1647 г. маргинальное указание на параллельное место у Максима Грека он принял за указание на отрывок из сочинений Максима Грека.⁵ Эта неточная формулировка А. С. Архангельского попала затем в оба издания энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, в Православную богословскую энциклопедию и дошла до наших дней. Такова историография изучения издания 1647 г.

Однако вывод о наличии разных редакций в рукописной традиции Лествицы уже был сделан за два с небольшим столетия до А. В. Горского и К. И. Невоструева в послесловии к печатной Лествице 1647 г.: «...и о сем не неизвестно буди, яко не мали преводы сея святые книги Лествицы к тиснению печатнаго дела собрани (...) но вси несогласием друга друзей в немале согласуют, иже в сей напреди, то в друзей назади в преносе

³ Горфункель А. Х. Издательская программа Ивана Федорова // В мире книг. 1983. № 12. С. 5—7.

⁴ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2, ч. 2. С. 218.

⁵ Архангельский А. С. К изучению древне-русской литературы: Очерки и исследования. Творения отцов церкви в древне-русской письменности. СПб., 1888, С. 91.

речения словес, и не по ряду. И не точию же се, но и в сущих речех и в толкованиях многа не сходятся» (л. 311).

Это сообщение послесловия совершенно адекватно отражает состояние рукописной традиции Лествицы с толкованиями (а издана была именно толковая Лествица в сербском переводе XIV в.): рукописи рознятся текстом этого перевода (известно по крайней мере две его редакции), расположением начальных и заключительных статей, а также количеством переводных толкований и их расположением в тексте.

Но в послесловии к изданию 1647 г. речь идет не только о состоянии рукописной традиции памятника, но и о вполне конкретной издательской работе — правке и, конечно, по древней рукописи: среди собранных отмечается «...еще же и самая та книга Лествица, иже в Цареграде списася иноком трудолюбезным Ефремом во обители пресвятыя владычицы нашея Богородицы Иперивлепто в лето 6929-е» (1421) — которая и была привлечена к правке — «но не не назирахом бо в цареградскую правления ради речений, зане баше в превод крепчаиши прочих, а не ряду» (л. 311; разрядка моя. — Н. Н.). Таким образом, порядок текста, толкований и добавочных статей дан по одной рукописи, и лишь правка проведена по другой, древней.

Что же в таком случае позволяет, по мнению А. В. Горского и К. И. Невоструева, характеризовать Лествицу как новый тип книги? Что же бросилось в глаза этим пытливым исследователям? «В Московском первопечатном издании 1647 г. текст заимствован из списков новоисправленного перевода Сербского со всеми предварительными и последующими статьями, в них встречающимися. Равным образом читаются здесь и в том же порядке все вышеуказанные толкования. Но тогда как в рукописях толкования представляются только на известные отдельные места, в печатном издании почти каждый стих или отделение, на которые разделена вся книга (всех их, вместе со словом к пастырю, 277), снабжены толкованием. Между сими толкованиями встречаются и русские: (...) помещены выписки из устава Нила Сорского, с прямым указанием на его имя. Сверх того, на полях весьма много указаний на печатные книги и рукописи, которые могут служить к объяснению и подтверждению излагаемого в тексте». И далее приводятся примеры.⁶

К этой характеристике следует добавить, что в совокупности новые толкования (почти все они — с указанием на источник) занимают значительный объем издания. Толкованиями снабжен все-таки не каждый стих; целые слова оставлены, как и в рукописной традиции, без толкований. По предварительным подсчетам внесено более 40 новых толкований разной протяженности — от нескольких предложений до нескольких листов издания. Причем часто прежнее краткое толкование заменялось на пространное или к прежнему добавлялось новое. В то же время некоторые толкования были опущены. Выписки из 1-й, 2-й, 5-й и 10-й глав Устава Нила Сорского столь же обширны и являются первой публикацией отрывков этого замечательного памятника русской духовной культуры. Что же касается маргинальных ссылок на другие сочинения, то их десятки. Причем они приводятся с обозначением глав и книг этих сочинений. И эти ссылки, и указания на параллельные места в самой Лествице покрывают сплошь поля почти каждого листа издания. Кроме того, в конце книги к обычному набору заключительных статей добавлено еще 9 статей, связанных между собой единой темой — о неоставлении места иночества, преимущественно патериковых, не встречающихся в рукописной традиции Лествицы (л. 293

⁶ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей... С. 218.

об.—308 об.). Следует отметить, что содержание этих рассказов кратко изложено в толковании к главе 4 «О послушании» (л. 75—78).

Очевидно, необычность состава печатной Лествицы была настолько ясна авторам послесловия, что они попытались оправдать его нетрадиционность ссылкой на то, что это не их рук дело: «...и о сем да никто же на ны поречет, яко друга друзей книга не согласует, не нами бо сие, но от прежде нас бывших, паче же еже во грехех преводы с преводами не согласующеся» (л. 311—311 об.). А затем в послесловии приводится извлечение из Никона Черногорца о различии между собою списков и Студийского и Иерусалимского уставов.

Наконец, относительно издания Лествицы 1647 г. можно выяснить и то, как непосредственно происходил процесс подготовки текста к изданию, поскольку наборная рукопись с пометами печатников сохранилась (ЦГАДА, собр. Синод. типографии, № 201, XVII в., 4°, 521 л.). Рассмотрение рукописи вполне подтверждает достоверность того, что сообщали авторы послесловия. Состав Лествицы, т. е. порядка следования текста и толкований, справщики не коснулись. Что же касается упомянутой в послесловии правки текста по древней рукописи 1421 г., то действительно небольшая часть текста, несколько глав, содержит правку, которая и вошла в издание. И хотя обе редакции этого перевода Лествицы в то время достаточно широко были распространены, какая из них в XVII в. соотносилась с записью Ефрема, пока не совсем ясно.

Была проведена и редакционная работа. Во-первых, «Счисление по азбуке вещей», тематический указатель с отсылками на листы рукописи, находившееся, что вполне естественно, в конце рукописной книги (л. 483—521), в издании помещено на 32 листах первого счета. «Счисление» было подготовлено составителем рукописи. Справщик киноварью сократил во многих местах этот указатель, в нескольких случаях ввел новые темы, а также уже после набора всей книги расставил указания на листы и строки. Во-вторых, именно справщик по всей рукописи вписал киноварью часы и дни чтений Лествицы, превратив таким образом рукопись в книгу для уставных чтений, которой, следовательно, она не являлась и, вероятно, была создана с другими целями. Ту же цель преследовал и выпуск книги в другом, отличном от рукописи, формате (в лист), подобно всем другим изданиям сборников уставных чтений в 1640-е гг.

Подтверждаются также слова авторов послесловия о том, что «не мали преводы сея святая книги Лествицы к тиснению печатного дела собрани» (л. 311), поскольку, по нашему предположению, рукопись ЦГАДА была составлена соловецким книгописцем первой половины XVII в. Сергием Шелониным.⁷

Сергий Шелонин, в прошлом московский подьячий, в 1619 г. стал иноком Соловецкого монастыря, где и скончался в 1667 г. Им были написаны Житие митрополита Филиппа Колычева и Житие Иоанна и Логгина Яренских; переписано большое число святоотеческих сочинений, составлено из них несколько сборников. Яркая, индивидуальная манера писателя и переписчика Сергия Шелонина охарактеризована в трудах казанского профессора XIX в. П. В. Знаменского,⁸ а в наше время — в исследованиях Л.

⁷ Прохоров Г. М. «Лествица» Иоанна Синайского // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 15—16.

⁸ Знаменский П. В. Сергей Шелонин, один из малоизвестных писателей XVII века // Православное обозрение. 1882. Февр. С. 282—314; Апр. С. 666—686.

А. Дмитриева⁹ и М. В. Кукушкиной.¹⁰ Переписанные и составленные Сергием Шелониным книги хранятся в Соловецком собрании рукописного отдела ГПБ.¹¹

Рукопись, с которой делался набор, была создана в середине 1640-х гг. Подобно другим рукописям Сергия Шелонина, она содержит большое количество вставных листков с дополнениями к тексту и, самое главное, в ней есть встречающаяся только в рукописях Сергия система маргиналий (при издании, уже в процессе набора, они были несколько сокращены; некоторые из них были не поняты наборщиком, и их смысл проясняется только при сверке с рукописью). Система маргинальных указаний Сергия Шелонина достаточно индивидуальна и даже может служить целям атрибуции, поскольку он ссылается, по большей части, на составленные им сборники и переписанные им книги. Из них наиболее важны ссылки на составленный им Патерик Египетский со счетом глав более 62 (таково число глав при обычном составе; единственный известный список Патерика Египетского, состоящего из 93 глав, находится в Соловецком собрании — ГПБ, Солов. собр., № 638/696), а также на Алфавитный патерик. Если, следуя одной из отсылок в издании Лествицы на Алфавитный патерик, например «Алфавитный патерик, знамение АЗ, глава 5», взять изданный в 1791 г. старообрядцами в Супрасле Азбучный патерик, то там можно обнаружить текст, на который указывает Лествица (это обстоятельство и послужило отправной точкой для нас при исследовании Лествицы 1647 г.).

В свою очередь Азбучный патерик 1791 г. является изданием рукописи, воспроизводящей один из слоев текста, составленного Сергием Шелониным Алфавитного патерика, грандиозного свода всех патериков, черновик которого хранится в ГПБ (ГПБ, Солов. собр., № 652/710).¹² Кстати, все ошибки и неясности издания 1791 г. легко объясняются с помощью черновой рукописи Сергия Шелонина; в основу издания 1791 г. была положена не совсем исправная копия.

Помимо большого числа ссылок на Алфавитный патерик целая глава из него, а именно глава о Георгии Арселаите, брате Иоанна Лествичника, вошла в издание Лествицы (л. 290 об.—293 об.). При этом один из рассказов о Георгии Арселаите, который и ранее входил в состав заключительной части Лествицы, будучи заимствован из Сводного патерика, был переработан Сергием Шелониным, который слил его с другим переводом этого рассказа в Синайском патерике. Черновик этой работы находится в Алфавитном патерике (ГПБ, Солов. собр., № 652/710, л. 137—139).

Хотя наборная рукопись Лествицы изготовлена несколькими писцами, это несомненно труд Сергия Шелонина, поскольку почерк Сергия и его сотрудников, а также методы их работы известны благодаря исследованию М. В. Кукушкиной. О времени создания этой редакции Лествицы Сергием Шелониным свидетельствует, помимо бумаги 1640-х гг., имеющееся в издании (л. 260—261 об.) и, соответственно, в наборной рукописи указание на Кириллову книгу (1644 г.) и воспроизведение в качестве толкования довольно пространного текста из этого печатного издания (л. 71 об.—72, третьего счета). Таким образом, окончательный вид рукопись Лествицы приобрела между 1644 г. и началом 1647 г.

⁹ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографический сказаний. Л., 1973, С. 225—234.

¹⁰ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 98—102.

¹¹ Список этих книг см.: Там же. С. 99—100.

¹² См.: Словарь книжников. Вып. 1. С. 302, 307, 320, 325.

Издание Лествицы в редакции Сергия Шелонина наряду с первым и вторым изданиями Пролога относится к тем книгам нового типа, которые не существовали до этого в рукописной традиции и которые были изданы в виде традиционных четых сборников. А. С. Демин, пытаясь объяснить проявившееся в печатном Прологе стремление сделать его как можно более полным по представленному материалу, указал на имеющуюся в деятельности книгописцев с 1620-х гг. новую тенденцию к энциклопедичности и систематизации житийного материала («Минеи четьи» Германа Тулупова, «Саборник» Крабова и другие сборники), приводившую к созданию огромных сводов текстов.¹³ Эта тенденция к исчерпывающей полноте материала несомненно присутствует и в Лествице в редакции Сергия Шелонина, а о составленном им Алфавитном патерике, одним из главных, по нашему мнению, трудов его жизни, работа над которым продолжалась десятилетия, и говорить нечего, настолько его грандиозность в духе эпохи.

Новый тип Лествицы Сергия Шелонина еще в одном совпадает с тенденциями десятилетия: в святоотеческий материал на равных включаются русские сочинения (в Лествице — это сочинение Нила Сорского; та же тенденция в Алфавитном патерике, где имеются в большом числе русские повествования патерикового характера)¹⁴ и тексты печатных книг (например, уже упомянутый отрывок из Кирилловой книги в Лествице).

Остается, однако, неясным, почему именно такая редакция Лествицы, наиболее неудобная для обращения с ней при богослужении и, главное, совершенно не рассчитанная на это составителем, была выбрана для издания и приспособлена для уставных чтений. Поскольку в виде уставной книги был издан такой насыщенный текст, то можно предположить, что помимо основной — четьей — он несет, вероятно, и какую-то другую функциональную нагрузку и что издание такого текста могло иметь какое-то очень важное идеологическое и, возможно, политическое значение, уловить смысл которого нам теперь, вероятно, почти невозможно.

По всей вероятности, для того, чтобы подчеркнуть это значение, и была выбрана сознательно для издания именно редакция Сергия Шелонина, которого на Москве, скорее всего, знали. Так, один из списков Алфавитного патерика, судя по владельческой записи, был приобретен в Москве в 1667 г.¹⁵ Помимо наборной рукописи Лествицы еще одна рукопись Сергия Шелонина — Поучения аввы Дорофея с дополнительными статьями, «дачи старца Сергия» в Соловецкий монастырь 1643 г., с великолепной миниатюрой — хранится в Москве, в Синодальном собрании ГИМ.¹⁶ (Кстати, миниатюра в наборной рукописи Лествицы отсутствует, но она была, и, вероятно, к ней восходит гравюра печатного издания). Более того, в 1647 г. инок Соловецкого монастыря Сергей Шелонин возводится в архимандриты Костромского Ипатьевского монастыря. Но уже в 1648 г. он оставляет Ипатьевский монастырь и возвращается на Соловки и подписывает свои рукописи с тех пор — «бывший архимандрит Ипатского монастыря».

Какие события вызвали Сергия Шелонина с Соловков, был ли он в Москве при издании Лествицы, почему он был возведен в архимандриты,

¹³ Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков (Общественные настроения). М., 1985. С. 110.

¹⁴ Ср.: Там же. С. 124.

¹⁵ Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской Духовной Академии: Софийская библиотека. СПб., 1907. Вып. 2. С. 299; ср.: Родосский А. С. Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1898. Вып. 2. С. 204.

¹⁶ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей... С. 226—227.

а затем столь скоро вернулся в Соловецкий монастырь? Все это остается пока в неизвестности.

* * *

Когда статья была завершена, нам любезно сообщил А. Н. Левичкин, что во 2-м издании книги архиепископа Игнатия¹⁷ на с. 270 воспроизводится запись Сергия Шелонина на московском издании Лествицы, подтверждающая наше предположение о принадлежности ему рукописи, положенной в основу печатного издания:

«На первом листе книги, значущейся ниже в Списке книг библиотеки Соловецкой, под 720-м № списка, а по описи под 599-м №, находится следующее старинной рукописи примечание: „Лета 7155 Майя в 15 день, дал сию лествицу книгу печатную Великий Государь Святейший Патриарх Иосиф Московский и всея Руси Ипатского Монастыря Архим. Сергию, вместо полдестевые книги писменные лествицы, что он взял у него Сергия его письма книгу лествицу и отослал к печати, и приказал ему из всех книг выбирать только по достижению его разума, Елико мочно. И благослови его рукою крестом у себя на дворе в крестовой своей келье. А Сергей поставлен в то время и совершен в Архимандриты в Ипацкой Монастырь: да тут же де и ему Патриарх говорил, что книга де и печатных слов много нет, яз де ее двожды прошел, а ты ее пройди также гораздо со вниманием и исправь елико мощно. И я Сергей по ево благословению и по приказу прочтох пятья книгу ту, и елико обретох в ней не гораздо против старых лествичных переводов так исправих молитвами святыми ею, елико ми Бог поспешествовал“».

¹⁷ Игнатий (Семенов), архиеп. Воронежский и Задонский. Истина святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере. 2-е изд., доп. СПб., 1847.